

Е. И. Кычанов

ТАНГУТСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ

Свыше 750 лет назад в сердце Азии, на территории современных провинций КНР Шэньси и Ганьсу, а также автономной области Внутренняя Монголия существовало тангутское государство Великое Ся (982—1227)¹. Это было государство, населенное тангутами (ми, миняг), тибетцами, уйгурами и китайцами. Тангуты-миняг составляли самую большую по численности и господствующую по своему положению часть населения Великого Ся. Воспринимая лучшие достижения культуры своих соседей — сунского Китая, Тибета, уйгуров — тангуты создали свою самобытную культуру ставшую неотъемлемой частью культурно-исторического прошлого Центральной Азии. Творческие силы тангутского народа нашли выражение в знаменательном факте создания своей оригинальной письменности, развитии и совершенствовании своей музыкальной культуры, создании своей оригинальной школы буддийской живописи, в расцвете тангутоязычной светской и буддийской литературы.

Благодаря трудам известного русского путешественника по Центральной Азии П. К. Козлова часть памятников тангутской культуры, случайно избежавших гибели в одном из субурганов пограничного города тангутского государства Эдзина (позднейшее монгольское название Хара-Хото), стала достоянием современной науки. Достижения исследователей за последние десять лет², в особенности советских ученых, сделали возможным прочтение тангутских рукописей и старопечатных книг (ксилографов).

Тангутская литература даже в той своей незначительной части, в которой она сохранилась, интересна и многообразна. И пожалуй, на наш взгляд, одним из самых любопытных ее образцов является книга тангутских изречений — замечательный памятник тангутской литературы и один из интереснейших памятников центральноазиатского фольклора. Это ксилограф, размером 21,5×15 см, сброшюрованный «бабочкой», объемом в 31 лист тангутской пагинации, что соответствует 62 современным страницам. Хранится он в тангутском фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР³.

Судя по предисловию и послесловию, к сожалению, очень плохо сохранившимся, составитель сборника «Изречений» Лян Дэ-ян, чиновник цензората и преподаватель тангутской Академии, скончался в 1176 г., не завершив своего труда. Только через десять лет после его смерти, в

¹ Подробно о нем см.: Е. И. Кычанов, Очерк истории тангутского государства, М., 1968.

² Н. А. Невский, Тангутская филология, исследования и словарь в двух книгах, М., 1960; Нисида Тацуо, Исследование языка Си Ся, т. I, Токио, 1964, т. II, Токио, 1966; М. В. Софронов, Грамматика тангутского языка, кн. 1, 2, М., 1968; «Море письмен», ч. 1, 2, пер. с тангутского, вступительные статьи и приложения К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского, М., 1969.

³ Тангутский фонд Ленинградского отделения Ин-та востоковедения АН СССР (далее ЛО ИВАН), инв. № 765. Краткое описание см.: «Тангутские рукописи и ксилографы», составители З. И. Горбачева и Е. И. Кычанов, М., 1963, стр. 59.

августе 1187 г., другой ученый Ван Жэнь-чи довел до конца начатое Лян Дэ-яном дело и издал сборник под названием «Вновь собранные драгоценные парные изречения».

Н. А. Невский полагал, что основной составитель сборника Лян Дэ-ян, «судя по фамилии и имени», был китайцем⁴. Однако думается, что это не так. Род Лян известен у тангутов с VI в., он был правящим данчанским родом⁵. В X в. были известны тангутские (дансянские) роды Большой и Малый Лян⁶, а в XI в. семья Лян играла большую роль в управлении тангутским государством⁷. Выходцами из этой семьи были три императрицы и два главы правительства. Китайские авторы тех лет, которые много писали о семье Лян как о возможном конкуренте правящей семьи Вэймин в борьбе за тангутский престол, ни разу не называют ее китайской⁸. Думается, что Лян-Дэ-ян, который, кстати, упоминается в тангутских памятниках неоднократно⁹ и который, судя по всему, был выдающимся представителем тангутской культуры XII в., принадлежал к этой известной и древней семье Лян, т. е. был тангутом, а не китайцем.

Тангутские изречения представляют собой парные фразы, от 3 до 18 знаков в каждой, рифмованные и не рифмованные, со смысловым, морфологическим и синтаксическим параллелизмом и строгим параллелизмом цезуры. Например:

Овец имеющий, занимается скотоводством в горных
областях тангутской земли.
Деньги имеющий, ищет выгоды в торговле с китайскими
купцами¹⁰.
Гнилое мясо не срежешь — язва не заживет.
Занозу из ноги не вытащишь — от хромоты не избавишься¹¹.

Определяя характер тангутских «парных изречений», первый их исследователь Н. А. Невский писал, что «они весьма напоминают наши пословицы» и в них «можно распознать и образцы настоящего народного творчества или фольклора, выражающего народную мудрость»¹². То, что подавляющее большинство тангутских изречений, представленных в нашем сборнике, — пословицы, нам также кажется несомненным. Вместе с тем наряду с пословицами в сборнике имеется некоторое количество изречений, которые, возможно, были индивидуально-авторскими или даже специально написанными для данного сборника. К числу таковых могут быть отнесены первое и второе изречения сборника:

Правила вежливости и изящные выражения тангутов
ненщернаемы.
Тангутские изречения говорят (повсеместно?)¹³.

или

В золотой башне, в яшмовом дворце Небесный владыка
восседают.
Небесной дорогой, облачным путем солнце (и луна плывут?)¹⁴.

и некоторые другие.

⁴ Н. А. Невский, Указ. раб., кн. 1, стр. 92.

⁵ «Бэй ши», гл. 96, изд. в серии «Сыбу бэйяо», Шанхай, без даты, стр. 864.

⁶ См. «Сун ши», гл. 491.

⁷ Е. И. Кычанов, Указ. раб., гл. V.

⁸ См. Ли Тао, Сой цзы чжи тун цзянь чан бянь, Чжэцзян, 1881, гл. 407, стр. 20 а, б.

⁹ Н. А. Невский, Указ. раб., кн. 1, стр. 120; см. также «Словарь синонимов», тангутский фонд ЛО ИВАН, инв. № 2539.

¹⁰ «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 2 а.

¹¹ Там же, стр. 11 б.

¹² Н. А. Невский, Указ. раб., кн. 1, стр. 91.

¹³ «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 2 а. Последние два знака изречения не сохранились.

¹⁴ Там же.

Такие изречения в какой-те мере можно попытаться сопоставить с китайскими изречениями, известными как лянцзюй (ляньюй, дуйлян, инлян) — «парные изречения». Точнее, их можно сопоставить с одной из разновидностей лянцзюй. Тематика лянцзюй чрезвычайно разнообразна — от лирико-пейзажных двустий¹⁵ до нравоучительных сентенций по любому поводу, но она в целом довольно четко отличается от пословиц, хотя и некоторые из пословиц могли стать лянцзюй, а отдельные лянцзюй — войти в пословицу¹⁶. Лишь немногие тангутские изречения нашего памятника могут быть сопоставлены с лянцзюй-словословиями типа:

Императорские добродетели постоянно возвышаются над северными дворцовыми воротами.

Грозное величие повсеместно озаряет южное небо¹⁷.

Но они не являются характерными для всего сборника в целом. Фактически мы имеем дело со сборником тангутских пословиц¹⁸, с достаточным древним и хорошо датированным памятником центральноазиатского фольклора.

В связи с этим важной проблемой является определение места тангутских пословиц среди аналогичных памятников фольклора народов Центральной Азии.

Наиболее ранним известным нам памятником такого рода являются «Изречения матери Сумпа» — список пословиц из Восточного Тибета, район Сунпань, провинция Сычуань, найденный в Дуньхуане и датированный их издателем и переводчиком Ф. В. Томасом приблизительно IX—X вв.¹⁹ «Изречения матери Сумпа», которые Ф. В. Томас также определяет как пословицы²⁰, сохранились в тибетском переводе, но, по словам Томаса, «оригинальный язык Сумпа не мог быть тибетским»²¹, а являлся тибето-бирманским языком района Сунпань. Следует отметить, что тангуты Си Ся были выходцами именно из этого района и переселились на территорию Ордоса в VII и VIII вв.²² Поэтому «Изречения матери Сумпа» — в известной мере прямой предшественник тангутских изречений²³,

¹⁵ Образцы лирических лянцзюй, правда не китайских, а корейских, абсолютно аналогичных китайским, см. в «Пэкрён чхохэ», антология лирических стихотворений рёнгу с корейским переводом. Издание текста, перевод и предисловие Д. Д. Елисева, «Памятники литературы народов Востока», тексты, малая серия, VI, М., 1960.

¹⁶ Исследование связи тангутских изречений с китайскими лянцзюй не входит непосредственно в нашу задачу. Отметим только, что не исключено, что именно тангутско-тибетские парные изречения могли, возможно, оказать влияние на появление жанра лянцзюй в китайской литературе. По мнению некоторых китайских авторов, этот жанр как самостоятельный появился в Китае в X в., в период Пяти династий (см. Ли юн-шэн, История китайского парного стиля, серия «Чжунго вэньхуа ши цуншу», Шанхай, 1936—1937 гг., стр. 145) и впервые в Шу, в Сычуани, т. е. области, непосредственно соприкасавшейся с Восточным Тибетом (см. Цюй Ин-шэн, Избранные инянь эпохи Сун, Бэйпин, 1932, стр. 1 а).

¹⁷ Чжоу Ши-дэ, Собрание танских дуйлян, раздел «император». Рукопись Пекинской государственной библиотеки, предисловие датировано 1741 г., без пагинации.

¹⁸ Пословицу в данном случае мы понимаем так, как трактуют ее последние советские исследования. См.: В. П. Аникин, Мудрость народов, «Пословицы и поговорки народов Востока», М., 1961, стр. 8.

¹⁹ F. W. Thomas, Ancient folk-literature from north-eastern Tibet, Akademie Verlag, Berlin, 1957, p. 108.

²⁰ Там же, стр. 103.

²¹ Там же, стр. 106.

²² См. Яматото Сумико, О переселениях дансянов в эпоху Тан, «Сикан», т. 26—27; Окадаки Сэйро, Распространение дансянов в эпоху Тан, «Тохоши ронсо», т. I, 1947; Е. И. Кычанов, К вопросу о происхождении тангутов, «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961, стр. 148—160.

²³ Возможно, что и «Изречения матери Сумпа» и тангутские изречения были в своем далеком прошлом как-то связаны с древнеиндийскими субхашита — «изысканными изречениями», частично схожими с ними по форме и также фольклорными в своей основе. Субхашита проникли в буддийскую литературу и, благодаря последней, могли получить распространение в Тибете и Центральной Азии. О субхашита см.: M. Winternitz, Geschichte der indischen Literatur, Leipzig, 1920, S. 133—155.

а тот факт, что они древнее нашего памятника приблизительно на три века, свидетельствует о распространности этого жанра среди племен Восточного Тибета и его популярности за пределами этого района (тибетский перевод памятника был найден в Дуньхуане).

Пословицы из сборника «Изречения матери Сумпа», как и тангутские пословицы, построены по принципу параллелизма, что хорошо заметно даже в их тибетском переводе. Помимо сходства формы, сходна во многом и тематика пословиц, особенно тех, которые посвящены нравоучениям о почитании родителей, воспитании детей и т. п. Например:

Сын мудрее отца — огонь, пущенный на луговину,
Сын хуже отца — кровь, разбавленная водой.

(«Изречения матери Сумпа») ²⁴

Доблестный сын возмужал — скалы опасные преодолел,
Слабый сын вырос — за ворота (выйти боится) ²⁵.

(Тангутское изречение).

Оба сборника подчеркивают практический характер изречений как сокровищницы житейской мудрости. В предисловии к тангутскому сборнику говорится, что Лян Дэ-ян «разыскал изящные изречения, касающиеся ведения разного рода дел», а в заключительной части «Изречений матери Сумпа» прямо дается совет: «а посему усвой наставления мудрой, доброй матери, тесно связанные с успехами в жизни» ²⁶.

Таким образом, сопоставляя эти сборники, мы можем заключить, что истоки тангутских изречений так же древни, как история самого тангутского народа. Корни их мы находим в тех же районах, выходцами из которых были и сами тангуты.

Тангутские пословицы имеют сходство с пословицами многих народов Центральной Азии. Сопоставления показывают, что по своей форме и во многом по характеру образов тангутские пословицы близки тибетским, монгольским, бурятским, калмыцким, маньчжурским, тувинским, шорским и, в какой-то их части, уйгурским, киргизским, казахским, китайским, якутским пословицам. Те особенности формы, которые являются характерными для тангутских пословиц того типа, который зафиксирован в нашем сборнике, очень широко представлены в пословицах народов Центральной Азии или даже являются, по-видимому, господствующей формой пословицы у отдельных народов. Мы, по всей видимости, имеем дело именно с центральноазиатским комплексом. Поэтому, может быть, есть некоторые основания поставить вопрос о выявлении одного из типов древней центральноазиатской пословицы, хотя, разумеется, вскрытие причин сходства в определенном типе пословиц у указанных народов потребует больших и специальных исследований. Пока можно было бы отметить такие факторы, как взаимное влияние, связанное с территориальной близостью этих народов, и общие условия жизни, выражающиеся прежде всего в ведении скотоводческого хозяйства. Это порождало появление в пословицах близких образов, например:

Позже родившиеся рога перерастают ранее родившиеся уши.

(Байтская пословица) ²⁷.

Уму непостижимо, чтобы сын был более достойным, чем отец.
Глазам своим не веришь, чтобы уши были длиннее, чем рога.

(Тангутская пословица) ²⁸.

Можно указать и на прямое совпадение пословиц:

²⁴ F. W. Thomas, Указ. раб., стр. 109.

²⁵ «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 4 б.

²⁶ F. W. Thomas, Указ. раб., стр. 111.

²⁷ А. Бурдуков, Образцы байтских пословиц, «Живая старина», вып. III, 1910, стр. 1—6.

²⁸ «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 14 а.

Обеднел человек — и желания его ограничены, и руки
короче прежнего,
Одряхлела лошадь — и шерсть у нее длинная и корму ей
не дают.

(Тангутская пословица) ²⁹.

У худой лошади шерсть длинная,
У нерадивого человека ум короткий.

(Маньчжурская пословица) ³⁰.

Когда человек беден, так ум короткий,
Когда лошадь похудеет, так волосы у нее длинные.

(Китайская пословица) ³¹.

Для всех центральноазиатских пословиц характерно использование образов, порожденных практикой скотоводческого хозяйства, определенных типов сопоставлений, например человека и лошади.

Если на лошади округи не объедешь — не годится она для
верховой езды,

Если скота не сосчитать — хозяин только им и занимается ³².

(Тангутская пословица).

Кони узнают друг друга по ржанию,
Люди знакомятся, разговаривая друг с другом ³³.

(Шорская пословица).

Задатки хорошего человека с детства видны.
Задатки богатырского коня с жеребенка видны.

(Бурятская пословица) ³⁴.

Виноватый человек оглядывается,
Шелудивая лошадь хвостом обмахивается ³⁵.

(Монгольская пословица).

Приведенные примеры — не свидетельство случайных совпадений или заимствований. Это отражение реальных условий жизни и быта целой группы народов Центральной Азии, закрепленное в пословицах, ибо, как отмечал А. М. Горький, «пословицы и поговорки образцово формируют весь социально-исторический опыт трудового народа» ³⁶.

Тангутские пословицы — важный источник изучения всех сторон жизни тангутского государства. Уже из цитированных выше пословиц хорошо видна главенствующая роль скотоводческого хозяйства в экономике тангутов. Она подчеркивается и особой пословицей, в которой скотоводство названо первым среди трех основных видов хозяйственной деятельности:

Три светлых начала имеются в мире: скотоводство и
земледелие — два и торговля — это три.

Три темных начала не должны бы оставаться, да есть:
разбой и ложь — два и распутство — это три ³⁷.

Многие пословицы свидетельствуют о социальном неравенстве в тангутском государстве:

У знатного перед входом в дом люди жестокосердные стоят,

У богача во дворе злая собака живет ³⁸.

К знатному в кабалу попал — дни считаешь,

В стужу попал — ждешь теплой погоды ³⁹.

В пурпурные одежды одетому — все кланяются,

По сравнению с тем, кто сел первым, остальные ниже
сидятся ⁴⁰.

²⁹ Там же, стр. 2 б.

³⁰ «Chrestomatie Mandchou ou Recueil de textes Mandchou par J. Klaproth», Paris, 1828, № 4.

³¹ В. П. Васильев, Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии, СПб., 1883, стр. 2.

³² «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 11 а.

³³ Н. П. Дыренкова, Шорский фольклор, М.—Л., 1940, стр. 349.

³⁴ Н. О. Шаракшинова, Бурятский фольклор, Иркутск, 1959, стр. 68.

³⁵ «Пословицы и поговорки народов Востока», том. 387.

³⁶ М. Горький, Собрание сочинений в 30 томах, т. 24, М., 1953, стр. 493.

³⁷ «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 29 а.

³⁸ Там же, стр. 4 б.

³⁹ Там же, стр. 5 а.

⁴⁰ Там же, стр. 3 а.

Из китайских источников известно, что знатные тангутские чиновники носили одежды пурпурного (фиолетового) цвета ⁴¹.

Изучение художественных особенностей тангутских пословиц должно вестись в сопоставлении со всем центральноазиатским комплексом пословиц. Мы можем указать на тот факт, что, как и в пословицах других народов центральной Азии, смысловой параллелизм в тангутских пословицах основывался на принципах (по классификации Д. Д. Елисеева) ⁴²:

а) усиления:

Пусть лучше я буду съеден тигром в горах, чем лисцей
в низине.

Уж лучше я буду плакать вместе с человеком достойным,
чем радоваться вместе с подлецом ⁴³.

б) сравнения:

Камень в рисе хоть сто лет вари — каши не сварить,
Со злобой в сердце хоть десять тысяч дел переделай —
толку не добьешься ⁴⁴.

в) противопоставления:

Птицы с доблестным сердцем, мясом питающиеся, распола-
гаясь на отдых, отдельно друг от друга сидят,

Птицы с робким сердцем, грязью питающиеся, улетаая, в
стаи собираются ⁴⁵.

г) повтора:

Пятый месяц, как верблюд состарится и упадет,
Десятый месяц, как олень, скроется и уйдет ⁴⁶.

Когда смысл обоих стихов пословичного двустипшия одинаков, то усиливать, оттенять уже выраженную мысль может как первый, так и второй стих. В пословице:

Травы зеленеют и травы увядают — увядают год за годом,
Молодые умирают и старятся — старятся поколение за
поколением ⁴⁷.

Основную мысль пословицы — быстротечность жизни, неизбежность смерти каждого — выражает второй стих, а первый служит как бы зачином. Но иногда и наоборот второй стих может усиливать, еще раз повторять мысль, уже высказанную ранее в первом стихе:

Река ото льда освободилась, а душа не оттаяла,
На земле все цветет, а на душе по-прежнему холод ⁴⁸.

Ряд пословиц построен в форме вопроса:

Если даже от участия в войне уклонился, разве будешь
жить вечно?

Если даже будешь скаредничать, разве скот не
исчерпается? ⁴⁹.

Другие — категорического отрицания:

Мрак со светом быть вместе не могут,
Слабый с сильным дружить не в состоянии ⁵⁰.

В пословицах чрезвычайно широко использованы тонкие наблюдения над жизнью животных. Они вводят нас в реальный мир тангута-скотово-

⁴¹ Сун ши, гл. 485, стр. 3786.

⁴² «Пэкрен Чхохэ», стр. 11.

⁴³ «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 20 б.

⁴⁴ Там же, стр. 19 б.

⁴⁵ Там же, стр. 17 б.

⁴⁶ Там же, стр. 16 б.

⁴⁷ Там же, стр. 4 б.

⁴⁸ Там же, стр. 10 а.

⁴⁹ Там же, стр. 14 а.

⁵⁰ Там же, стр. 4 б.

да со всеми его радостями и горестями, они — подлинная сокровищница народной мудрости, накапливаемой столетиями и, благодаря трудам Лян Дэ-яна и Ван Жэнь-чи, дошедшей до нас сквозь века. Любопытно, что в пословицах совершенно отсутствуют буддийские и конфуцианские мотивы.

О популярности пословиц среди самих тангутов говорит уже тот факт, что они были специально изданы ксилографическим способом, т. е. имели своего широкого читателя. Известен и рукописный список тангутских пословиц, аналогичный нашему⁵¹. Сам факт собирания и систематизации пословиц свидетельствует о высоком уровне тангутской культуры.

Мы сделали попытку ознакомить читателя лишь с первыми результатами работы над этим интереснейшим памятником. Издание полного перевода «Вновь собранных драгоценных парных изречений» и их дальнейшее исследование, думается, будут полезны для изучения фольклора народов Центральной Азии.

⁵¹ Рукописный свиток с текстом тангутских пословиц хранится в Британском музее. Пользуясь случаем, автор выражает благодарность бывшему хранителю музея Э. Д. Гринстэду за присланные копии этих текстов.